

ГЕННАДИЙ ЛЕОНИДОВИЧ
КОПЫТОВ

Сезон охоты на крыс

ПОВЕСТЬ

SAANVI RU

Геннадий Копытов

Сезон охоты на крыс. Повесть

«Издательские решения»

Копытов Г. Л.

Сезон охоты на крыс. Повесть / Г. Л. Копытов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968013-6

Форма социальной организации крыс, аналитические способности, необычайная адаптивность к тяжелейшим условиям существования наиболее близки к человеческому сообществу.Б.Р.Э.

ISBN 978-5-44-968013-6

© Копытов Г. Л.
© Издательские решения

Сезон охоты на крыс

Повесть

Геннадий Леонидович Копытов

Братьям, делившим со мной хлеб и небо!

*Сломанным и не сломленным системой,
– посвящаю.*

© Геннадий Леонидович Копытов, 2019

ISBN 978-5-4496-8013-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Дефективный детектив

В парашютном классе было холодно и пыльно. Полковая котельная недужила каким-то оборудованием.

Сквозняки выдували, из-под плохо заклеенных форточек, плоские снежинки, похожие на микроскопические накрахмаленные салфетки, которые беспорядочно сыпались на подоконник, и не таяли еще несколько минут.

К тылу стекол прилипла густая, южная зимняя ночь.

– Какое свинство! – возмутился он вслух, и вытолкнул облако пара из легких,

– Такой собачий холод – и такая мерзкая пыль!.. Неужели придется мыть полы?!

«Молодой боец» Игорь Нерушев, нескладный мурманчанин, был в госпитале «по демонстражу гайморита из носовых пазух».

Самому мыть пол было: во-первых – лень, во-вторых – «в падлу» – все-таки «дед» уже. Если бы они сами как-нибудь помылись...

Он сопротивлялся. Было «обломно» вылезать из-под старых шинелей. Офицеры ушли час назад, и он «сачковал» на пыльных от талька, мягких куполах.

Парашютный капрон еще удерживал сладковатый запах горелого тростника, это напомнило привкус воздуха жаркого кубанского лета там... высоко наверху. Это не прокуренный воздух солдатского сортира и не кислая портяночная вонь казармы, и даже не угарный воздух серого неба, над набитыми пошлятиной, солдатскими головами, а в о з д у х, что открывается, вдруг, под ногами, за раскрытой рампой самолета, или дверью «вертушки»...

Через четверть часа постучит в дверь, которую он надежно запер, чтобы не беспокоить свой отдых, звеня связкой ключей, дежурный «сверчок». Зайдет, развяжет под подбородком ушанку, положит на укладочный стол автомат и недовольно скажет:

– Командир, дуй в казарму! Завтра мне, опять, в три – подъем!..»

Он не станет возражать, быстро оденется, закроет класс и побежит в казарму. Но еще пятнадцать минут е г о, и он достает из «нычки» (тайник) емкость со спиртом. Вчера удачно слил на складе ПДИ (парашютно-десантное имущество) граммов двести. Спирт начальник выписывал с трудом, якобы для протирки замков ОСК (отцепка сводных концов). До замков, ясное дело, не доходило, а применялось как лечебное антидепрессантное средство господами прапорщиками и офицерами ПДС (извиняюсь: тогда еще товарищами).

Развел сто граммов с водой, тяпнул, зажевал сухарем. Потеплело.

Вынул небольшой блокнот, размером с нагрудный карман – сделал сам по размеру, для удобства, и пишет. Что-то вроде дневника. А писать тяжело, досадно. Но хоть бумаге поведает – возможно, станет легче... Даст бог, «особист» не найдет эту мазню.

Дневник парашютиста. Блокнот.

«Командировка закинула меня в город Краснодар. На шести Ми-8т, плотно утрамбованных, какой-то радиоэлектроникой, длинными характерными зелеными ящиками с БП, тюками с шинелями и зелеными тряпками, и раздраженными, невыспанными бойцами. Я захватил ящик у иллюминатора. Шли низко. Метров 200...300 над землей. Скучно. Обзор мелкий, не глобальный...

Через полчаса сели на вертолетной площадке в Краснодаре. Разгрузка вертушек, погрузка «Уралов»...

Мне «понравилось», как нас разместили, в приемнике для новобранцев, на третьем этаже. Обитая штукатурка на мрачных серых стенах, вонь забитой канализации, грязь из умывальников, многоголовой гидрой выстилающаяся от краников до каждой солдатской койки.

Ночью очнулся от приступа жути! Небезосновательной! Огромная горбатая крыса, пристав на задние лапки, передними, почти не опираясь на сетку кровати, как болонка в цирке, грустно грызла каменную мозоль на моей левой, свисающей, пятке.

Если бы в то время я представлял, что такое «видео» и смотрел «страшилку» «Rats», то первое, что мне могло бы прийти в голову, что студия переместилась в краснодарскую казарму. Со зверским отвращением, долбанул по ней ногой. Она грубо пискнула и обиженно поскакала, куда-то в угол, звонко цокая коготками по линолеуму.

Кто-то крикнул «Шишн сгн!» и на крысу обрушился град сапог. Но, та, удачно уклоняясь, как Майк Тайсон, от кирзачей, залегла где-то, между перекрытиями, довольная, переваривала мои роговые наросты.

Утром, расталкивая грудью, волны плотного гашишного тумана, непонятным образом, образовавшегося ночью, продвигался злобный наш старшина. Старший прапорщик Степнов.

– Подъем, «деды» херовы! Недоумки, наркоши! Уё... ки! Совсем забурели!!

Он пинал ногами, всех без разбора, верхние и нижние ряды. Не взирая, на сроки службы.

– У кого «траву» найду – вы... у!

Обещал вступить в жесткие нетрадиционные сексуальные отношения, еще и с теми, кто не будет стоять на зарядке через тридцать секунд.

После завтрака я сбежал от них в местную ПДС (парашютно-десантная служба).

На порожках парашютного класса сидел укладчик-срочник Вовка Булай и грыз таранку. Огромный одессит. Подскочил, увидев меня, развернул свой рОстище по вертикали, и помял своими заготовками меня и мою руку, всучил располовиненную таранку.

– Чего такой веселый? – спросил Булая:– что я прилетел?

– И не только... Дембель скоро! Через семь месяцев!!

Доложил местному начальнику ПДС, капитану Иванченко, Василь Васильевичу, что прибыл в его распоряжение. Тот не стал выслушивать мое: -Прибыл в ваше...

– Уу, змей, вчера почему не явился? Работы завал. Вчера до двух ночи укладывали!

Матом он не ругался, а пользовался странным суррогатом: Змей, Сакура, паноптикум... Я ссылался на вредного старшину и погрузку-разгрузку...

Булай рассказывал, что раньше, Вась Вась был жутким самодуром и алкоголиком. Мог бойцу и «вломить», но какая-то слезная история вывела его из ступора и ввергла в инфантилизм.

Может поэтому всего капитан... А до пенсии два года.

– Располагайся, Булай все покажет! И познакомит с нашими бойцами...

Началась работа, такая же, как и там, откуда прилетел: прыжки, укладка, укладка, прыжки...

Вечером 15 октября.

Я дежурил на ПСС (поисково спасательная служба) со старшим укладчиком, сержантом-сверхсрочником, Андреем Аслановым. Веселый румяный армянин. Вот у кого, наверняка, с девушками проблем не было. Запомнилась его припевка на мотив гангстерской песни из мультфильма «Капитан Врунгель».

– В пэдээсе я служано,
– Постоянно сильно пьяно,
– И за это капитано
– На губу меня сажано!

Этакий армянский Теркин. Слушать без смеха его байки, было просто невозможно.

Однажды на прыжках он забыл каску.

Опомнился в вертолете, хватаясь за коротко стриженную, кучерявую голову, но не строился, а тут же сочинил продолжение к своему сериалу.

– Прыгал часто, постоянно,
– Парашюто забывано,
– И за это капино
– В мегафон на нас орано!
И тут же сиганул в «люк».

Вертушку трясло от нашего смеха. Вертолетчики переглядывались: откуда посторонние вибрации?..

Булай стоял в роте на «тумбочке». Асланов где-то мотался, явно, не по службе.

Около 20—00 он появился. С ним были наши бойцы: Вадим Поликаркин – земляк из Тулы, прожорливый Витя Самострелов, ефрейтор из Бендер – Степан Романюк (командир отделения бойцов ПДС) и Валерка Кривонос – майже усі з України милою. У тому числі і Вовка Булай...

Тю. Та ні ж. Бендери це ж – Придністров'я.

Намагаюся представити своїх армійських друзів, українських братів, в рядах «територіальних батальйонів». Не можу. Чогось?

Весь вечер Асланов показывал, пытаюсь научить нас, какой-то трудновыполнимый прием. Выбивание и перехватывание ножа. Походило на клоунский трюк. Возможно, мы не улавливали сути, но у товарища «сверчка» выходило лихо. У нас тухло.

Около 23—00 я опечатал класс. Прыгнули в «Газ-66» без тента, также дежуривший на ПСС, и уехали в казарму.

16 октября.

Я уперся в закрытую дверь парашютного класса. Время почти восемь. Никто не открыл!? Подергал. Закрыто, моя пломба не нарушена. Что-то было не так. К правой створке двери, зачем-то, был приставлен стальной трап от тренировочного Ан-2. Килограммов сорок пять весила эта железка.

Глянул наверх и опешил. Над дверью зияли две квадратных дыры. Здесь было остекление...

Появился Иванченко.

– Уже видел? Не заходи туда. Снято с сигнализации. Сейчас приедут с прокуратуры, будут вскрывать...

Мне было н а п л е в а т ь. Единственное неудобство – там был мой вещмешок.

Меня загрузили другой работой в соседнем классе. Приходил Черный Капитан из прокуратуры, спрашивал, кто вчера закрывал двери.

– Я... А что? Рассказать, как дверь закрывал?

– Потом расскажешь, – заспешил Черный.

Зачем спрашивал?

17 октября.

Путру все было обыденно, если бы не маленькое чудо. Военная прокуратура привезла настоящего водолаза! С металлическим ушастым шлемом, длинными шлангами и воздушным насосом. Это выгрузили из будки «Криминалистическая лаборатория». Все выглядело, как муляжи к фильму Александра Беляева «Ихтиандр».

В э т о м, кто-то собирался погрузиться в бетонный резервуар с водой. Здесь бойцы стилились и купались в жару.

Асланов, прапорщики Пупыкин и Зубченко-младший глазели, с нами, на водолазика, изгалялись, испражняясь словоблудием:

– Резервуар...

– Презервуар!...

– Резерватив!

– Презверуар!..

– Резвератив!

Мне было, даже все равно, когда Зубченко-Дед начальник склада ПДИ, уже побывавший на допросе, доложил всем, что пропали два ПО-9 (советский парафойл «Планирующая Оболочка») и два З-5 (запасные парашюты). Нам-то, что с того?

Я подумал: скорей бы улететь в свою часть, пусть тут сами в своем дерьме ковыряются!

Пару часов, мы блаженно пилились, как оловянный болванчик втискивается в небольшое отверстие люка, как сердито бурлит в глубине, мутит воду и чем-то гулко стучит по стенам. Может консервированной головой? А может найденными стеклами...

Наконец-то, нас с Булаем, допустили в класс. Все осталось без изменений! Окна над входной дверью выбиты! К правой створке приставлен, тяжеленный, металлический трап от нелепотающего (тренировочного) АН-2 из парашютного городка.

– Булай, не ты мышцы качал трапиком! – стебанулся я. Развеселый одессит, даже не улыбнулся.

Мы лицезрели полный разгром класса. Ящики в стеллажах с парашютами взломаны. «Запаски», ранцы и купола хаотично валялись на укладочном столе и на полу. Явно искалось что-то определенное. На краю укладочного стола, стояла красная пластиковая каска. Весь стол и каска были обильно посыпаны графитовым порошком. Я разглядел на порошке несколько размытых пятен. Наверное отпечатки. Дактилоскописты уже наворочали! Конечно – убираться не им!

В раздевалке я приоделся в грязную «техническую» форму. И побежал досматривать продолжение подводной одиссеи. Но досмотреть, этот подводный Дисолей, не дал капитан Иванченко. Вызвал меня в парашютный класс.

С разгону я влетел в класс и резко затормозился.

– Товарищ капитан, по-вашему...

Тут заметил еще офицерские погоны. Особое, мое внимание привлекли синепогонные -подполковничьи. Под ними было существо в предродовом состоянии! С таким, небывало огромным, животом, вояка! Я испугался – начнутся схватки, придется его кесарить стропорезом... Тут был и давешний Черный Капитан.

Подполковник перебил:

– Не товарищ капитан, а я тебя вызвал!

Тут он весь напыжился, подтянул брюхо с колен на бедра:

– Подполковник госбезопасности Чайкин! – пафосно представился он.

Небось, подумал, что сразил меня такой рекомендацией наповал! Сейчас обделаюсь...

Ну «очконул», конечно, но самую малость.

За точность фамилии не ручаюсь. Чайкин или Чайник. Они часто берут такие мятые, бездумные, бездушные псевдонимы. Голос у Чайника был раскатистый, рокочущий, мощный, трибунный. Он гудел, гремел и резонировал в бездонном брюхе!

– При обыске, нами обнаружена тетрадь с записями на иностранном языке...

Он многозначительно умолк.

– Мне сказали, что это твое! Это так?

Значит – шарили в моем вещмешке...

– Да, мое.

– И что же в ней?...

Я молча разглядываю его, пытаюсь угадать, куда Чайник клонит. Неужели «особиста» прислали только из-за моей тетрадки?

– Каковое ее содержание? – раздражается он моим молчанием.

– Так... ерунда. Дискография групп. Названия альбомов, песен, исполнителей...

– Зарубежных?

– Ну да... – замялся я. Мне становилось не по себе. Я уловил ход мыслей Жирородящего.

– А почему не наших, не советских?

Вот теперь-то, мне стало стыдно и досадно, что я не фанател на «Верасах» и «Пламени» и не собирал сведений о них. И я от стыда наговорил, прямо несусветное. Со всей пионерской прямоотой.

– Да, у нас, вроде и слушать-то некого...

Повисла давящая тишина. Офицеры удивленно разглядывали меня. И наши и чужие. Что-то я не то сказал? Кажется.

Вдруг Чайник зловеще зашипел. Кроме грохота, оказывается, в нем размещались и другие опции.

– С кем ты связан?

– Не понял! – удивился я.

– У вас есть о р г а н и з а ц и я?

– Какая? – изумился я.

– Н е л е г а л ь н а я! – низко подвизгнув, как проходящий на форсаже, «Миг-21», тявкнул Чайник.

– Зачем? – еще больше поразился я

– Чтобы заниматься подрывом!...

Это было, какое-то, шизоидно-параноидальное откровение «не святого Иоанна»! Беседа в приемной психлечебницы!

Я поплыл (может голова закружилась?), показалось, что сдвинулся, в другое измерение и меня понесло в белесом тумане...

Из тумана выдернул грохот голоса:

– Что молчишь?

Да, я просто потерял дар речи. Я узнал знакомую, жутковатую интонацию.

Тогда почил генсек, и был объявлен, очередной, всенародный траур, который я «игнорил», прослушивая те самые записи с зарубежными группами.

Потом-то осознал, что напрасно «попирал» всеобщую скорбь трудового народа!

Соседи позвонили «куда-надо». И пришел «кто-надо» в звании старшего лейтенанта. С ним мы мило побеседовали.

– Тебе на свободе надоело?

– Нет!

– А лет тебе сколько?

– Восемнадцать...

– Дебил, в армию собирайся! У всех траур, а он развлекается.

– Извините, я не знал...

– Ты что – враг народа? (Я где-то слышал это зловещее сочетание слов, но никогда не мог примерить их на себя!)

– Да вроде нет?

Здесь я почувствовал кусок льда внутри и от него замерзли и затряслись руки и ноги. Гордость, куда-то схлынула. Голос задрожал. Я начал что-то лепетать...

«Старлей» презрительно разглядывал меня.

– Ладно... Пока ничего на тебя оформлять не будем...

Когда дверь за ним закрылась, я согрелся и отдышался. Ногу, занесенную над пропастью, удалось отдернуть...

И тут я, вновь, почувствовал ледяное дыхание и знакомый край бездны.

Вдруг красноречие вернулось ко мне, и я затараторил.

– Дело, собственно, в том... Я, в некотором смысле, музыкант! Мне необходим изначальный материал для восприятия и переработки. Всё, или часть этого, я потом интерпретирую, модулирую, и воссоздаю в своих произведениях!

Чайнику не врал. Дома два года играл в группе. Правда, в нашем полку играл только в духовом оркестре. По возвращении я наверху. Соберу полковой ВИА.

«Особняк» тупо уставился на меня. Мое красноречие, предназначенное, исключительно, для него, пролилось мимо, видимо аэробно экранируясь животом.

Он ни черта не понял. Или высокое звание и служебное положение, не позволяли ему опускаться до такого...

– Я имел в виду, не знаешь ли ты, о наличие какой-нибудь противоправной организации... Нам известен случай, когда под видом любви к музыке..., на самом деле занимались развратом. Открыли, по сути, притон... – выдавил он из себя, ревущий гвалт недовольства.

– Нет! – долдонил я:

– Товаришу підполковник. Мені про таке невідОмо! Только искусство – ради искусства. А оно принадлежит народу! Как сказал...

– Ну хватит, ломаться! Если тебе будет известно о таких... Сообщи!

– Так точно! Товарищ подполковник! Доповім, як взнаю...

– Хохол? – скривил губы ревущий живот.

– Шо?..Та ні, кацап!

– Всё, иди работай!

(Я слышал как он прошипел мне в спину:-Набрали клоунов!)

– Есть, так точно! -Я чуть не добавил: – Извините и спасибо за внимание! И убежал на улицу досматривать приколы с «волозадом», но утомительный подводный цирк уже уехал. Оставил только рубцы от протекторов на травяном пригорке.

18 октября.

С утра я был на вертолетной площадке. Помогал загружать имуществом вертушки, с которыми послезавтра, должен улететь к себе в полк.

Поленился переться в столовую два километра. И пошел в вагончик без колес, поставленный на кирпичи. Туда привозили еду дежурным. Один раз полковым чеченцем был напоен «Массандрой». Я не поверил, что его предложение реально. Вид у джигита был развеселый, самоуверенный и бидон в 20 литров внушал уважение, и я выплеснул компот на землю. Чечен с криком: – Всех напою! Залил полную 250 граммовую алюминиевую кружку. Что это было: чача или «массандра», не знаю, но весь вечер мне было хорошо. Я грелся у стены кочегарки, плавал в счастливых воспоминаниях о доме и гипнотически, неотрывно, глядел на виноградный закат.

Утром без похмелья, с рабочим давлением 120/60, я уже грузился в АН-2 с парашютом на спине.

После этого случая – зауважал вагончик без колес!

В этот раз, я, конечно же, не надеялся застать веселого вайнаха, поэтому, сразу наполнил и кружку, и миску «жором». Даже ложку не успел ко рту поднести, когда в вагончик влетел, запыханный Юра Корякин.

– Тебя срочно... к Черному «кэпу»!

– Дай поешь, хотя бы!

– Потом поешь! Он приказал бегОм!

Бегом – так бегом...

В парашютном классе меня ждали Иванченко и Черный Капитан из прокуратуры. «Кэп» не был негроидом – просто форма и погоны черные. Если бы был, то написал бы, конечно же, толерантно – Афрокапитан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.